

МИЛАНА ФИРС

РАЗВОД

после 40

ДЕРЕВЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Милана Фирс

Развод после 40.

Деревенское счастье

<https://litres.ru/72579724>

SelfPub; 2025

Аннотация

Затылок пронзило неприятное ощущение, когда чувствуешь, что на тебя смотрят. Причем смотрят так, что хочется проверить, не прорвались ли шорты в самом неприличном месте. Я замерла с тряпкой в руке, и осторожно глянула между своих ног. Мужик! Обутый!

— Твою дивизию! — Выползая из-под стола, я уже готовила гневную тираду. Очередной хахаль хозяйки, видимо, решил, что здесь проходная комната.

— Совсем офонарели?! — я поднялась во весь рост и уперла руки в боки. — Пол только что вымыла! Только что! А вы тут в своих... запнулась, потому что передо мной стоял не типичный любовник моей работодательницы. Этот мужчина был... другой.

— И часто у Елены Сергеевны гости? — мужик так прищурился подозрительно, как будто допрашивает. Я аж себя в полиции почувствовала. Хоть никогда и не привлекалась. И тут до меня дошло!

— Так вы не... Вернее, вы... — я провела взглядом по пустой каминной полке, на которой отродясь семейных фото не было. — Вы и есть ее... "масик"?

— Предпочитаю все же Назар.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Милана Фирс

Развод после 40.

Деревенское счастье

Глава 1

В доме Гордеевых царила та особенная тишина, которая бывает только в больших пустых домах. Я методично вытирала пол, проклиная в душе всех владельцев паркета светлых пород. Особенно тех, кто считает, что белый дуб — это стильно. Стильно — это когда ты не видишь каждую пылинку, каждый отпечаток и каждое пятнышко от кофе, каждая...

Мысль улетела, так как затылок пронзило неприятное ощущение. Знаете, когда чувствуешь, что на вас смотрят? Причем смотрят с таким усердием, что хочется проверить, не прорвались ли джинсовые шорты в самом неприличном месте. Я замерла с тряпкой в руке, и осторожно глянула между своих ног назад. Любой инструктор по йоге позавидовал бы моей пластичности, точно говорю!

Мужские ботинки. Дорогие, из тонкой замши, явно итальянские. И что хуже всего — они стояли на моем свежемывом полу!

— Твою мать! — вырвалось у меня, пока я потирала

ушибленное место.

Выползая из-под стола, я уже готовила гневную тираду. Очередной хахаль хозяйки, видимо, решил, что здесь проходная комната. Ну уж нет, дорогой мой!

— Вы что, совсем охренели? — я поднялась во весь рост и уперла руки в боки. — Я только что пол вымыла! Только что! А вы тут в своих...

Я запнулась, потому что передо мной стоял не типичный любовник моей работодательницы. Этот мужчина был... другой. Такой же высокий, подтянутый, красивый, но, в отличие от остальных в его глазах плескалась усталость, а не дикий азарт кобеля, готово к секс-марафону выходного дня.

— В своих ботинках прошлись по чистому полу! — все-таки закончила, хотя уверенности в голосе заметно поубавилось.

— Виноват, — мужик сначала как будто офигел от моего выговора, растерянно осмотрелся вокруг, даже назад оглянулся, будто проверяя, остались ли следы. — Исправлюсь.

И вдруг задрал свою ножищу, ни дать ни взять 45 размера, и стал стягивать ботинки за задники. Потом снова поднял на меня взгляд, так и стоя с ними в руках. Аккуратно держал их за задники. Изящно так. А руки крепкие, холеные.

— Не ожидал что тут кто-то будет, если честно. А уж этого, — он кивнул на мое ведро, — вообще. Помыть за собой не обещаю, но за дополнительные неудобства доплачу к зарплате. Вы, я так понимаю, тут на правах сотрудника?

— Ну, да. Пол сам себя не вымоет, пыль сама себя не вытрет, посуда сама себя... — я махнула рукой, продолжать можно до бесконечности. — Короче говоря, да, та, которая убирает за вами всеми. Ульяна, если точнее. А... вы? Мадам не говорила, что в эти выходные собирается приехать.

Мадам... мы с Еленой Сергеевной как-то сразу сошлись на этом прозвище. Я как-то сказала в шутку, а ей понравилось. Да и кобели ее, отборные, легко подхватывали. А у этого вон... что-то перекосило.

— Ульяна значит, приятно познакомится. — Он задумчиво меня оглядел. Снова. И что странно, даже без намека на пошлость. Обычно-то кобели эти хоть и при мадам, а чуть отвернется — глазами ого как зыркают. А этот вон... Хозяйки нет, за поводок никто не дергает, а он слюной не капает. — Позвольте полюбопытствовать, уважаемая фея чистоты. За всеми нами — это за кем конкретно?

Очень подозрительный тип...

Никогда никого не волновало, сколько их или чего. Даже было и с двумя она... того, приезжала. А тут интересуется.

— Вам зачем эта информация? Вы Елены Сергеевны гость? Значит ваше дело малое, — я, честное слово, сама того не желая, скосила глаза на ширинку и зачем-то ляпнула, — или большое. Как посмотреть. Зачем вам все эти организационные вопросы?

— И часто у Елены Сергеевны гости? — а сам так прищурился подозрительно, как будто допрашивает. Я аж себя

в полиции почувствовала. Хоть никогда и не привлекалась в жизни.

Повисла тишина.

Я стояла посреди гостиной с мокрой тряпкой в руке, а он — с усталым лицом и каким-то обреченным выражением.

Вот тут-то я и заподозрила неладное.

Удивленно оглянулась, по новому оценивая сервировку столика на двоих и огромный букет нежных, белоснежных роз. Он ей совершенно не подходил, кстати. Сергеевне нашей. По размеру, для фоточек в соцсетях может и да, но не по характеру...

А еще и еда... Лоточки с логотипом известного столичного ресторана и продукты я, ругаясь, распихала в холодильник. Думала, мадам потащила кобелину свою на выгул, перед возлияниями и возлежаниями во всех подходящих и не очень позах и местах...

На выгул она часто их водила, мужиков. Речка у нас в деревне — кристально чистая, Елена Сергеевна всегда говорила, что подружки ее по границам ездят, а тут вон, под боком и такой шик. В прошлом году она же и мостик с террасой над водой выстроила и подвесные качельки, красивые. У нас теперь все свадьбы там и дни рождения фоткать приезжают. Беседка еще...

— Так вы не... — начала я краснея до корней волос. Не от смущения — от того, что попалась. Потому что да, действительно видела здесь мужчин. Разных. Стыдно стало так,

как будто самолично этому вот конкретному мужику рога наставляла. — Вернее, вы... — я провела взглядом по пустой каминной полке, на которой отродясь семейных фото не было. Все, что пришло в голову, телефонные разговоры Елены Сергеевны и ее капризное "масик". Так она называла вечно занятого мужа. — Вы и есть ее... "масик"? — В горле встал комок. Внезапно пришло осознание, что стою перед человеком, которому только что разбили сердце. Я разбила, болтовней и не умением держать субординацию. Никогда перед ними не лебезила и вот на тебе...

— Предпочитаю все же Назар, — он кивнул. Сдержанно, с достоинством протянул мне руку. Ту, что свободная от ботинок. Так и стоял ведь с ботинками в руках. Это я что же... Хозяину вот этого всего велела разуться, так выходит? А он мне еще и прибавку, к зарплате...

— Послушайте Ульяна... как вы смотрите на то, чтобы я за вот это, — он обернулся за спину, махнув своими дорогими туфлями в сторону того, за что я так несдержанно его отругала, — расплатился ужином? Обещали, что вкусный. Составьте мне компанию, вы же уже все равно закончили, так понимаю?

— Да поставьте вы уже свои тапки! — я, нервничая явно больше него, шмякнула тряпку в ведро. Было ужасно неудобно. За него, за его вертихвостку жену, за себя. — А как же... Елена Сергеевна? Она же это... придет?

Милые, приветствую вас в летней новинке! Будем следить

за деревенскими буднями, ловить ностальгию, пить ароматный травяной чай и обязательно купаться в речке! Как в детстве! На старте новинки авторам всегда нужна поддержка, чтоб книжечка была видима для большего количества читателей! Помогите ей, а? Поставьте звездочку, напишите комментарий и добавьте в библиотеку, пожалуйста.

Глава 2

— Не могу знать, — честно признался я. Это час назад я, дурак такой, думал, что знаю о жене все. А ещё важный начальник серьезной структуры. За собственной бабой не уследил. — А даже если и придет, то что?

— Ну как же... — она оглянулась. — Мадам... в смысле, Елена Сергеевна будет, эм, огорчена. Не думаю, что это правильно. Вы ведь ее ждали?

— Ты очень верно употребила форму прошедшего времени, Уля. Я вот сразу понял, что ты умная девочка. И вежливая.

Ужинать при свечах с этой шалавой я теперь точно не буду. А жрать хочется. Ещё больше, кстати, чем до интересных новостей. Прямо как год маковой росинки во рту не было, живот свело.

Реакция что ли такая? Хер его душу знает.

— Бросай ты уже свою тряпку, Уля. Я на ты, ладно уж? Простоты общения ради. Ты мне тоже не выкай что ли. А то сначала чуть не по матушке, а теперь Вы. Я как-то обычно в обратном порядке привык. Идём давай.

А она стоит. Тряпку, правда, в ведро шмякнула. И смотрит. Чего, спрашивается, смотреть? А глаза такие больные. Жалостливые.

Ты меня, девочка, не жалей.

Удумала тоже.

Отмерла только когда к столу подошёл. Сам же все расставил и вот — ничего нету. Как корова слизала.

— Какая ты шустрая, Уля.

Она смутилась и бросилась к холодильнику. Я ее оттеснил, стал доставать провизию, а сам мыслями далеко. И все стало так ладно складываться в памяти. Какие-то несостыковки. Мне так было некогда последние пару лет, что дома я свой аналитический аппарат, как его Ленка называла, выключал. Расслаблялся.

Дорасслаблялся, твою дивизию.

— Садись давай, Уля. Я справлюсь без дополнительной помощи.

Мне надо руки чем-то занять. Чтоб не разнести тут все к чертовой матери. И голову занять тоже надо.

Она замялась, но я отобрал из тонких, ещё мокрых пальчиков ресторанную коробку и строго кивнул на сервированный стол. Красиво, зараза. Я ж старался. Накупил Ленкино любимое. Хотел порадовать.

Что дела у нас в семье не ладятся я заметил ещё с месяц назад. Только мы прикрыли эту долгоиграющую балалайку с поставками наркоты, хоть смог голову от документов поднять, да глаза продрать и сразу просек. За время, пока плавал в этом дерьме рабочем как-то совсем не уделял жене внимания. Не со зла, вот те крест. Приходил и падал. Иногда даже помыться сил не было. Налью ванную потому что в душе

стоять ноги уже не держат, лягу и прям там усну. Что откисло, то откисло. Остальное не грязь.

Ну и решил вот, сюрприз ей сделать. Порадовать. Бабы ж они любят свидания-шмидания эти. И цветы. И подарки. Сережки вот купил.

Идиот.

— Эй! А ну руки мыть марш. — Ульяна аж подпрыгнула от моего командного. Я осекся. Потер шею. — Привычка, не обижайся, Уля. Я на правах старшего, да? Спишем на возраст.

Сколько ей там годков накапало? Восемнадцать хоть есть или стервозина моя детский труд эксплуатирует?

Я вымыл руки первым. Демонстративно. Чтоб видела, что своим правилам сам подчиняюсь, а не только диктую. Вытер полотенцем. Белое, аж хрустит. Оставил ей на краю раковины. Сел. Пальцы на бутылке сдались как будто на горле моей вертихвостки. Шалава, ты Ленка. Что ж тебе передок чесался?

— Ну, за знакомство, Уля!

Налил вина, себе и ей. Чуток всего. Ну, приготовил же. Бокалы красивые, вино дорогое. Думал, отметим с женой окончание моих мытарств. А там и плавно перейдем в другие плоскости.

Нет, ну какой дурак. Никак не сложу в голове, куда мои глаза смотрели?!

— Да не бойся ты. Я не алкаш. Не напьюсь и буянить не

буду. Или ты что же, — до меня вдруг дошло, что эта девочка себе уже понадумала. Сидит, как кол проглотила. Такая была болтушка и вдруг молчит. Только кивает как кукла из сказки про Толстяков. — Ты ж не решила, что я вот это вот Ленке мщу? Ты это из головы выкинь, Ульяна. Лучше расскажи мне, давно ты тут трудишься на благо торжества красоты и чистоты?

В переводе на человеческий много ли хахалей насчитано за годы честного труда?

И ведь, мать ее, в моем доме. В бабушкином. Бабка, небось, раз ...дцать в гробу перевернулась. Смотрит со своих небес и думает, какой ты, Назарушка, идиот. И головой качает, как бывало, когда набедокурую.

Она ж никогда не разрешала девок водить в дом. Ты, говорила, грязь-то дальше порога не тащи. Вот определишься с единственной — тогда милости просим, а борделя в моем доме устраивать нечего.

И вот. Бордель как есть.

Еда казалась безвкусной. Я невольно поглядывал на часы, гадая, когда заявится Ленка. Велел по своим каналам, чтоб ей позвонили будто тут прорвало трубу или ещё что. Она мне потом перезванивала в панике, сказал, что очень занят и просил ее саму приехать разобраться.

Теперь думай-гадай. Одна приедет или с кобелиной?

— Даже если бы вдруг решили, мстить, ничего бы не вышло. У нас, в деревне-то, Мишка Волков, контуженый, как

тыпнет, так-то за топор хватается и бегают, то за юбки. Сперва страшновато было, а ща мы все привыкшие...

Вот жизнь у людей. Контуженный мужик с топором и все привыкли. И, небось, не без бабы. А моей чего, спрашивается, не хватало для счастья?

Я махнул винцо, как воды после кросса. Ни вкуса, ни запаха одна кислятина на языке и на душе.

Ульяна все крутила бокал в руке. Проверяла что ли на предмет чистоты? Я б на ее месте тоже брезговал, если б знал и видел, что она повидала тут.

Даже не знаю, интересно ли мне, что. Или лучше блаженное неведение.

— Умеем если не успокоить, до пара оплеух его в ясность приводят. А рука у меня тяжелая, даром что на вид не скажешь. Это вам не город, здесь и ведра таскать нужно, и дрова, и кирпичи подавать. Так что... — Замолчала, прищурилась: — я вам ничего больше скажу, про жену вашу. И так наговорила лишнего. Уже сами разбирайтесь. А сколько трудилась, разве это важно? Явно с завтрашнего дня работу новую искать придется.

— А я тебя не про жену усадил беседовать. Как будто про тебя спрашиваю, давно ли плачу тебе зарплату и хорошо ли плачу. А то я этот момент как-то упустил.

Небось, за молчание двойная ставка полагалась? Или обделила Ленка девку?

— Это я тебя чем так напугать успел, что новую работу

искать собралась? Плохо тебе тут работается разве?

Я наложил ей всякого на тарелку, чтоб не стеснялась. А то сидит, как поломойка на приеме у президента. Вроде не сказать, что стеснительная, а видно не в своей тарелке.

— Ты не стесняйся, Уля. Я сам в этой вот деревне вырос. Это, — я обвел вилкой вокруг, тыкая в дорогуший ремонт, — Ленка хотела чтоб по моде. Я тут с приемки и не был ни разу. Не до того как-то... Так что ешь давай как привыкла, не на приеме.

И чтоб не смущать девчонку, даже отложил вилку, взял мясо руками и как-то расслабилась она сразу. Улыбнулась неуверенно.

— Чего ты?

А у нее уголки губ дрожат. Видно, очень старается не ржать. Только в глазах черти пляшут.

— Ну?

— У вас... это... того — и тычет куда-то мне в рожу. — Петрушка.

Я провел ладонью, поймал. И правда.

— Цвету и пахну, значит...

А она в смех. И как-то заразно, аж меня потянуло. Вроде ситуация не смешная совсем и радоваться мне нечему, но я как начал, глядя на нее ржать дурным конем, так аж мясо в руках запрыгало туда-сюда. И петрушка эта.

— У вас теперь она как опахало, — давясь смехом, Уля кивнула на пальцы с этой долбанной веткой.

— Да ну тебя. Хватит выкать мне тут. — Я отбросил ветку на тарелку. — Хохотушка. Откуда ты такая веселая тут?

— Из города. Как и вы... ты. Ландшафтный дизайнер я. По диплому. Родителей нет, отца вообще не знала никогда, а мамы не стало, как подростком была. Все на бабулины плечи легло. Она здесь и живет, в конце улицы этой, ближе к реке. Вот, она меня, собственно и воспитала, выучила... А потом заболела. Оставить ее на кого-то не смогла. Да и не на кого особо здесь. молодняк сразу в город бежит, как и я в свое время. А старикам кто б сам помог. Вот... — она сделала еще один аккуратный глоток вина. — Вернулась я. За бабушкой присматривать. Сперва работала в магазине нашем и удаленно проекты веду. Но их сейчас мало очень. Всем спеца поближе охота или чтоб мобильный был. Приехать на объект, замеры все дела. Личное общение... Одним словом, сыт от такой работы не будешь, а уж бабушку поддерживать медикаментами и хорошим питанием подавно. Так что, Елена Сергеевна вовремя работу предложила. Намного комфортнее работенка, чем за прилавком.

— Аж целый дизайнер...

Молодец девка, не бросила старуху в черный день. Аж гордость берет, что есть ещё у нас такая молодежь.

— А что ж на машине разве нет вариантов. Раз-раз и на объекте.

Я в свое время катался. На старенькой развалюхе. Ещё тогда только-только начинал в органах работать. Бабка моя то-

же слегла. Вот я с дежурства мать забирал и сюда. Потом назад. По пути ещё продуктов купить, аптеку обнести...

— Есть, но водить я не умею, разве что трактор и трехколесный мотоцикл. И то, тут по месту, дядя Коля научил. Не успела сдать как положено, чтоб права получить. А сейчас как будто и времени нет.

— Трактор! Ну ты даёшь, Уля! А что ж...

Дверь открылась, перебив меня на полуслове.

— И как это понимать? Очень ты, значит, занят?

Глава 3

Губищи надула. Расфуфыренная вся. Кто ж в таком виде на течь едет?

А у самого задней мыслью: так у нее ж в других местах течь. Потому и кобели стаей волочатся.

— Это что, я спрашиваю, такое?! Назар?

— Ужинаем с Ульяной. Не видишь разве?

Я даже не поднялся ей навстречу. Уля дернулась было. Но я поймал ее руку и как наручниками к столу прижал. Ленка заметила.

— Как интересно... — жена прищурилась, явно рассудив по себе и своим привычкам, — я тебе работу, ключи в свободном доступе... А ты может быть не только за домом смотришь, а, но и за хозяйством моим, за мужиком моим? Вынюхиваешь, интересуешься, сети свои сплела, да? Все подготовила, чтоб в удобный момент мне нож в спину всадить?! Я тебя с помойки, а ты!

Подлетела, замахнулась. Ничего себе, сколько прыти!

Я подскочил так, что стул с грохотом опрокинулся. Перехватил ее руку. Стоим как два рыцаря, злыми поглядами меряемся.

— Не смей ее трогать, Елена.

— Ты ее ещё защищать будешь?! — жена прищурилась, прямо ак богиня Ника. Как будто за самой грехов на три ва-

гона не тянется. До чего бабы изворотливый и наглый народ...

— Буду. А ты извинишься. В этой комнате только одна шалава. И это не Ульяна.

— Ну понятно. Значит права я. Это она тебе наплела, да? А ты поверил? Развесил уши. На ноги молодые да личико нежное купился, да? А я думаю, что она в этих трусах вечно щеголяет. Не поломойка — модель сельского пошиба.

Уля вся сжалась на стуле как будто. Кому приятно такое слушать. Зря я ей предложил остаться. Надо было домой отправить, пока Ленка не приехала.

— Я тебе сейчас рот твой, поганный, мылом самолично помую, Елена. Хватит свои грехи на чужие плечи перекладывать.

А сам закипаю, как Бабкин чайник со свистком. Аж пар из ушей.

— Какие грехи, Назар! О чем ты вообще!

— О рогах я, Елена.

— О моих, очевидно? — и рукой дёргает, а сама ехидно так кивает в Улькину сторону.

Как я жил столько лет с этой змеей и не видел нутра ее поганого? А из нее как из прорванной канализации все льет и льет помоями. Рожа от злости перекосилась вся. Сразу и морщины полезли и ботокс не спас.

— Пожитки свои собирай, звезда, — как будто от навозной мухи отмахнулась, жена кивнула Ульяне в сторону две-

ри, — была работа у тебя, всему вашему хутору на зависть, а теперь нету.

— Э нет. Это мой дом, если вдруг ты забыла. Получен в наследство ещё до женитьбы. Ты здесь не командуешь. Лена, свой совет себе оставь. Правильный. Монатки к чертям и чтоб я тебя больше тут не видел. Документы на развод тебе принесёт юрист. Вот прямо сейчас, да.

— Ч-что ты сказал?

— Я сказал развод. Все. И девичья фамилия.

Хотя, у нее и так девичья. Она мою не взяла. Говорила так безопаснее. Все же муж в структуре работает. И место такое, непростое. Все боялась.

Теперь-то ясно чего скрывала. Блядовать с моей фамилией потяжелее будет.

Я разжал руки и встал так, чтобы закрыть собой Улю от этой дуры. Бог ее знает, что ей в голову стукнет.

— Ты уже шла собирать монатки. Через час все, что не у тебя в машине выкину прям с окна.

— Какая же ты сволочь! Мудила! Олень! С такими вооот рогами! — Ленка раздвинула руки над головой, пытается объять не объятное. Видимо, раз замять не выходило, решила побольнее ударить. Я тебя без потоков оставлю! Все отсужу. И сына тоже!

— Сыну девятнадцать, если вдруг ты забыла. У него своя башка на плечах есть. Да и не до нас ему давно.

Мать из нее всегда была так себе. Сбагрит в сады-школы

и почапала по своим салонам. Благо, тогда и деньги уже водились и нянька имелась. Да и сейчас мелкий умело этим пользовался. Что ему наши разводы и измены? У него своя жизнь кипит.

— Ненавижу тебя! И в койке ты никакой, — хмыкнув, Ленка зыркнула на Ульяну, — подумай, деревня, надо оно тебе, если еще ноги расставить не успела. Так себе он трахаль, зря позарилась. — А то б может и не гуляла, будь мужик нормальный в доме.

Не знаю каким чудом я удержался, чтоб в стену ее не жакнуть. Стянул кулаки покрепче от греха. Я ж если злой — дурной. Приложу, так насмерть. Рука у меня тяжёлая.

— Иди, мать твою, пока не убил. — А сам уже как зверь на рык перешёл.

Замерла. Глаза с тарелку. Дошло наконец. Быстро-быстро почапала к лестнице. Только и слышно каблуки цок-цок-цок.

Я налил воды себе с крана. Выпил залпом стакан. Не помогло. Набрал полные ручищи и нырнул рожей. А сам чую — аж огнем горит вся физиономия.

— Ты прости, Уля, за это вот все, — отфыркиваясь, утерся полотенцем, которым недавно руки с ней вытирали. А ткань так пахнет приятно. Духами женскими. Едва-едва. Мягкий какой-то аромат. Простой такой. Успокаивающий.

Сел обратно за стол.

— Знаешь что, Ульяна. Я теперь, видимо, поживу тут какое-то время. Понимаю, после этого не очень тебе хочется

наше грязное белье ворошить, но я увеличу тебе оклад раза в два. Ты бы если приходила раз в пару дней убрать. Я много не мусорю. Все равно домой только спать прихожу. А бонусом я тебя водить научу. Не трактор. И договорюсь с ребятами, чтоб тебе экзамен дали сдать без отсидки в автошколе. Сам накатаю с тобой эти часы и поручусь. По рукам?

Глава 4

Он протянул мне ладонь для рукопожатия, и я осторожно коснулась его пальцев. Крепкие, теплые. Надежные какие-то.

— По рукам, — прошептала я и тут же поморщилась от того, как слабо прозвучал мой голос.

Боже мой, что же я наделала?

Пять минут назад мыла полы в доме богатой дамочки, а теперь сижу за ужином с ее мужиком, который только что выгнал ее и предложил мне работу с двойной зарплатой!

Я украдкой посмотрела на Назара.

Он снова сел за стол, налил себе еще вина, хотя и то было не допито. Лицо спокойное, но по напряженным плечам видно — внутри все еще бушует. Да и как может быть по-другому? Только что узнал, что жена ему изменяет и поставил крест на браке, очевидно многолетнем, раз сын уже взрослый...

Сверху донесся грохот. Елена Сергеевна, видимо, собирала вещи не слишком аккуратно. Или специально решила учинить погром. Назар нахмурился и покачал головой.

А я вдруг осознала всю абсурдность ситуации. Сижу за столом с мужиком, которого знаю от силы час, пью дорогое вино и мы обсуждаем, как будем жить дальше. При этом, наверху его жена швыряется вещами, а завтра я стану работать

на него, не на нее... Все с ног на голову буквально. У нас троих причем.

— А вы... ты уверен, что правильно делаешь? Может, стоит поговорить с женой спокойно? Выяснить все как следует? Я пойду к себе, а вы спокойно все обсудите?

Он вытянул вперёд губы трубочкой. Красивые такие. Полные. И прищурился опять. Что у него там рентген в глаза встроен, что он сканирует меня весь вечер? И глаза такие. Внимательные, глубокие. Серые. По краю темнее, а к зрачку почти как лезвие нашего ножа. И вроде колоться должны, а не колется.

— Вот скажи мне, Уля. Ты ж девочка умная, как мы выяснили. Трактор на ходу остановишь. Что самое важное в отношениях между людьми? Между любыми людьми. Неважно каких они полов и взглядов?

— Да понимаю я. Но всякое бывает. Семья, долг, заботы. А бывает, пары такое вместе проходят, что как войну... плечом к плечу. Ладно, не буду лезть с советами. Не очень хорошо получилось, что при мне все. И, — я вздохнула, таки не дурочка, чтоб от щедрого предложения отказываться. — На новые условия труда согласна, как и на бонусы. Мне, наверное, лучше сейчас уйти... Вы напишите на листочке, что по меню любите, какой распорядок дня и все такое, чтоб я вас не очень обременяла присутствием. Постараюсь не мельтешить. Как напишете, возле холодильника оставите... оставишь. Я утречком забегу, как на рынок ехать буду. Все куп-

лю.

Наверху что-то грохнуло. Я задрала голову. Казалось, что сейчас полы провалятся и нас придавит тем шкафом, что у них в спальне стоит. Шикарный такой. С огромными зеркалами. Терпеть ненавижу их мыть, кстати.

Назар недовольно цокнул, встал со стула и стал собирать коробки, оставшиеся в холодильнике и на кухонном острове.

— На рынок она пойдет, все купит. Вот, что будет в холодильнике, то и заслужил на обед, поняла? Запомни, Ульяна. Нечего за мужика сумки таскать хоть он тебе тыщу раз начальство, хоть кто.

Назар сложил в фирменный пакет с ресторанным логотипом нетронутый десерт, какое-то мясо, салат.

— Давай-ка, вот, держи. Бабуле гостинцев передай. Пусть не болеет.

Протянул пакет и не отдает главное.

— Или, может, тебя довезти? Чтоб с тяжестью по улицам не шаталась?

Вроде меня спрашивал, а как будто не меня. Что-то сам в своей голове решил и пошел туда, где оставил ботинки. И пакет мой, ну, то есть свой тоже забрал.

— Ну ты идёшь, Ульяна?

— Иду, куда от вашего доминантного величества денешься, — проворчала я, ни на секунду не желая оставаться в доме, где вот-вот разразиться гроза. — А что ваш с Еленой Сергеевной сын? Наверное, будет очень расстроен?

— Игнат уже большой парень. Учится в Авиационном на пилота. Ему даже полезно будет со стороны посмотреть, что в доме бывает, когда мужик там не бывает толком. Пусть лучше смотрит, когда решит себе жену выбрать.

Я вроде тоже неплохо смотрел. Влюблен был в Ленку по уши. Мы ещё по юности сошлись. Бедный тогда был, как церковная мышь. Но перспективный. Так она говорила. Теперь думаю, не о перспективах ли водить табуны она тогда думала? Сразу было ясно, что пока я на дежурстве можно наворотить и все шито-крыто.

— Значит так, завтра зайди, пожалуйста. После Ленкиных выкрутасов дом точно будет вверх дном. У меня завтра выходной вместе пошуршим там на благо красоты.

Можно бы пригласить клининг и дело с концом, но что-то подсказывало, что и завтра мне надо будет занять руки-голову делом. На работе я ж выходные взял. Думал, с женой проведу, буду мосты чинить.

А тут рубить надо, оказывается.

— Держи провизию. Не тяжело тебе? — я довел Ульку до калитки. Отметил, что не в порядке заборчик. Да и дом тоже на ладан дышит. — Бабуле здоровья. До завтра, Ульяна.

Глава 5

Дом встретил меня запахом мяты, которую бабуля заваривала себе на ночь, и еле слышным шорохом тапочек по линолеуму. Но тишины, на которую я рассчитывала, не было. Наоборот — из кухни доносился приглушенный гомон голосов.

Я осторожно прикрыла дверь и прислушалась. Помимо бабушкиного голоса, различались еще два — тетя Зина и тетя Галя. Конечно. Куда же без местного информационного агентства в лице этих двух сплетниц.

— Ульяночка, это ты? — раздался бабулин зов из кухни. — Заходи к нам, внученька!

Я вздохнула, поправила волосы и пошла на звук голосов, все еще держа в руках пакет с едой от Назара. В кухне меня ждал именно тот прием, которого я опасалась: три пары любопытных глаз уставились на меня с таким интересом, словно я только что вернулась с Марса.

— Ой, деточка, а мы тебя уже ждали! — тетя Зина всплеснула руками, ее круглое лицо светилось от предвкушения. — Присаживайся, чайку попьешь с нами.

— Да, а что ты там в пакете несешь? — не удержалась тетя Галя, шуря свои хитрые глазки. — Что-то вкусненькое?

— Гостинцы от... работодателя, — я поставила пакет на стол и чмокнула бабушку в щеку. — Как дела, бабуль? Как

самочувствие?

— Да ничего, внученька, держусь. — Бабуля похлопала меня по руке, но взгляд у нее был такой же любопытный, как у ее подруг. — А вот мы тут с девочками в окошко посматривали...

— И такую красоту увидели! — не выдержала тетя Зина. — Машина какая! Черная, блестящая, как зеркало!

— И мужчина... — тетя Галя театрально вздохнула. — Ой, какой мужчина! Высоченный, статный. И тебя до самой калитки проводил, как настоящий джентльмен!

Я почувствовала, как краснею. Конечно, они видели. В нашей деревне каждый чих на виду.

— Это... просто... — начала я, но тетя Зина перебила:

— Да какой там просто! Мы глаза имеем! Вел себя, как кавалер. И дверь машины открыл, и руку подал, и пакет до калитки донес.

— Ульяна, миленькая, — бабушка наклонилась ко мне и понизила голос до конспиративного шепота, — а не тот ли это мужчина, что муж у твоей мадам? Я пусть и старая уже, но Назарчика помню, бегал тут, на речку и удочку за собой волок... Уж очень походил на внука покойной Митрофановны...

Я обреченно вздохнула. От этих трех сыщиц все равно не скроешься.

— Да, это Назар Евсеевич. Муж Елены Сергеевны.

— Ааааа! — протянула тетя Галя, как будто получила под-

тверждение своих самых смелых догадок. — Таки нагрянул, рогатик наш. На горячем поймал или пронесло в этот раз?

— Скажем так, — я запнулась, размышляя как так сказать, чтоб ничего не сказать, — у них сейчас сложная ситуация в семье.

— Разводятся, значит? — тетя Зина сразу угадала. — Ой, деточка, да не смотри так возмущенно! Вся деревня наблюдала за распутством этим. Его ж-то помнят многие, мальцом еще. А сейчас и не видно было. Зато жена много чего и кого показать успела. Тут только два варианта было: или развод или все б так и тянулось... прошмандовство это...

— Зина! — одернула ее бабушка.

— Ну а что, Катя! Все в деревне знают. Сколько раз видели, как разные мужики к ней ездили. А этот, видать, терпел-терпел, да и сорвался наконец.

— Бедный мужик, — покачала головой тетя Галя.

Я молча доставала из пакета контейнеры с едой, чувствуя, как нарастает напряжение в разговоре.

— А он какой собой? — вдруг спросила бабушка, внимательно на меня глядя. — Назарчик-то?

— Что ты имеешь в виду? — осторожно уточнила я.

— Ну, в смысле характера, — пояснила тетя Зина. — Добрый? Справедливый? А то мало ли, мы его тут жалеем, а он, может и заслуживает.

Хм... Да, он был строгим, властным даже, в нем чувствовалась сталь. Но со мной... Со мной он был вежливым и вни-

мательным, даже когда я накричала на него из-за грязного пола. И когда увидел, как Елена Сергеевна на меня замахнулась, защитил не раздумывая.

— Справедливый, — наконец ответила я. — И... порядочный, наверное. Не позволил жене меня оскорблять.

— А она еще и посмела что-то в твою сторону сказать?! — воскликнула тетя Галя. — У самой рыльце в пушку... ты там, как пчелка все время, вот же, гадина неблагодарная.

— А красивый? — вдруг спросила бабушка, и в ее глазах промелькнуло что-то хитрое.

— Ба! — я смущенно отмахнулась. — При чем тут это?

— А при том, внученька, что мужчина он еще совсем не старый. И если разводится... — она многозначительно посмотрела на подруг, которые согласно закивали.

— Да ну вас! — я аж подскочила. — На мадам наговариваете, а сами туда же! Вообще-то я ему в дочери гожусь!

— Ой, деточка, — засмеялась тетя Зина, — ну и что с того?

— И потом, — добавила тетя Галя, — в наше время это вообще нормально. Мужчина в таком возрасте — самое то. Уже состоявшийся, с головой, с достатком, умеет всякое, — она скорчила многозначительную рожицу, а эти престарелые кошёлки со знанием дела согласно закивали. — А молодые-то сейчас какие? Инфантильные, ветреные, ни языком, ни чле...

— Галя, — бабуля округлила глаза.

— Катерина, ну не школьница, Улька твоя. В ее возрасте у меня Макарчик появился.

— А я, вообще, третьего родила, — поддакнула тетя Зина.
— А они сейчас еще быстрее начинают, чем мы тогда.

Я покачала головой, пытаюсь отогнать странные мысли, которые роились в голове. Пока они препирались и вспоминали и подсчитывали, кто и когда лишился девственности я, внезапно для себя, начала думать о Назаре не как о муже начальницы, а действительно, как о мужчине.

Ведь и правда, он действительно был... привлекательным. Нет, не просто привлекательным — он был красивым по-мужски, как-то сурово и благородно одновременно. Высокий, плечистый, с волевым подбородком и этими серыми глазами, которые казались способными видеть человека насквозь.

Когда он стоял передо мной, смешной такой, с этими тапками в руках, я невольно отметила, как хорошо он сложен. Никакого пивного животика, который часто бывает у мужчин его возраста. Наоборот — подтянутый, спортивный. И руки... сильные, но ухоженные. Такие руки, которые могут и защитить, и... мысли ушли вообще в пошлую плоскость и я даже головой мотнула.

— Ульяночка, — голос бабушки вернул меня на землю, — ты что-то задумалась.

— Да так, — я смущенно улыбнулась. — Просто устала сегодня.

— А он точно разводится? — не унималась тетя Зина. — Может, они помиряются еще?

— Да откуда ж я знаю? Завтра ясно станет, но как будто сказал собирать ей вещи.

— Значит, скоро свободный будет, — протянула тетя Галя и лукаво посмотрела на меня. — А ты, Улечка, все одна да одна. Пора бы уже и о личной жизни подумать.

— Так! Хватит меня уже сватать, ну! Он мне работодатель теперь, и все. Никаких романов!

— А работать таки на него будешь? — уточнила бабушка.

— Буду. Он оклад увеличил в два раза и еще обещал водить научить. — Я начала убирать контейнеры в холодильник, стараясь не показывать, как меня смущает этот разговор.

— Во-во! — всплеснула руками тетя Зина. — Сам водить научит! Это ж какое внимание! Не каждый мужик бабу за рулем вытерпит, а этот вон чо, сам всему научит... — почему-то в ее словах явно слышался подтекст.

— Зина, не болтай глупости, — одернула ее бабушка, но сама явно была заинтригована.

— Ну а что, сама прекрасно понимаешь, в нашей глуши этот для нее отличный кандидат! Никто из алкашни местной ее не достоин, а девка засиделась вот, возле тебя. И не бросит, и личную жизнь никак не устроит. Кольку ей, что ли, сватать? Тьху! — тетя Зина наклонилась ко мне через стол, — А он чо, кстати, курит? Пьет?

— Ну как будто не пьяница, — ответила я, вспоминая, как Назар пил вино за ужином. Спокойно, не жадно. — Культурно пьет. А курит или нет — не знаю.

— Ладно, девочки, — вмешалась бабушка, — давайте не будем дальше. Видите, девочка устала.

Я благодарно посмотрела на нее. Действительно, этот день выдался слишком насыщенным и сложным. Еще утром я просто мыла полы у богатой дамочки, а теперь стала не только свидетельницей, а где-то и причиной развала чужого брака.

— Пойду приму душ, а вы на вкусняшки налетайте, — кивнула на лоточки. — Там очень вкусная еда.

— Назар Евсеевич... — протянула тетя Зина. — Впору гадать, когда она его Назаром будет называть...

Я закатила глаза и направилась к двери, но бабушкин голос остановил меня:

— Уля. — Меня догнал голос бабушки. — Жизнь штука сложная, и шанс на счастье упускать не стоит.

— Бабуль...

— Я не говорю, что бросайся ему на шею, — продолжала она мягко. — Но и глаза не закрывай. Хороший мужчина — редкость. А если он еще и к тебе равнодушен...

— Откуда вы взяли, что он равнодушен? — возмутилась я.

— А зачем бы он тебя домой подвозил? — спросила тетя Зина. — Мог же на своих двоих отправить.

— Из вежливости!

— Ульяна, — бабушка встала и подошла ко мне, — ты у меня девочка умная. И красивая. Но слишком осторожная. Ты свободная, тебе двадцать семь, никакими обязательства не обременена, он, видимо, тоже. Иногда стоит рискнуть.

Дверь хлопнула за спиной как выстрел. Я ощущал себя раненым куда-то в грудь. В голове гудит, все тело противно ноет и ты, мать его, ничего не можешь с этим поделать. Или залиться. Иногда помогает.

Диван затрещал под моим весом. Как-то неаккуратно я рухнул... Мой золотистый обезбол устроил недовольное цунами в стакане, я дернулся, чтоб не пролить на диван и вылил себе на брюки.

Да чтоб тебя.

Хватанул одним махом. Поморщился. Не помогло.

Двадцать с лишним, мать его лет...

Ну какой дурак, а?

Налил еще дозу.

Сколько там надо, чтоб пекло от бухла, а не по другой причине?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.